

Е. Ю. Рогачева

ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЙ ОТЦОВ И СЫНОВЕЙ В СЕМЬЕ ДЖОНА ДЬЮИ

УДК 37(092)(73)19”

ББК 74.03(7Сое)6-8

Статья посвящена проблеме взаимоотношений отца и сыновей американского философа и педагога Джона Дьюи (1859–1952). Материалы статьи позволяют дополнить образ выдающегося ученого, реформатора школы XX века яркими страницами семейной биографии, что позволяет глубже понять его роль как воспитателя своих сыновей.

Ключевые слова: Джон Дьюи; семейное воспитание; сыновья Дьюи.

E. Yu. Rogacheva

THE PROBLEM OF FATHER AND SONS' RELATIONS IN JOHN DEWEY'S FAMILY

The paper is devoted to the problem of father and sons' relations of American philosopher and educator John Dewey (1859–1952). The content of the article allows to add bright pages of family biography to the image of the outstanding scholar, the reformer of the XX th century school, helping to deeper understanding of his role as a sons' up-bringer.

Key words: John Dewey; family up-bringing; Dewey's sons.

О Джоне Дьюи (1859–1952) написано достаточно много как о великом мыслителе XX века – философе, педагоге, основателе Лабораторной школы при Чикагском университете (1896–1904). Его по праву называют гражданином XX века, реформатором, правозащитником, так как на протяжении своей жизни Дьюи верно

служил идеалам демократии и прогресса. Благодаря биографическим материалам о Дьюи, составленным Робертом Б. Уэстбруком, Стивенем К. Рокфеллером, Аланом Райаном и Джеймем Мартином, к сожалению, не переведенным на русский язык, стало возможным значительно глубже понять Дьюи в контексте его бурной и на-

полненной яркими событиями жизни¹. Биография Дьюи предстала как «...призма, позволяющая лучше увидеть историю»², дала возможность обнаружить всеобщее в этом ушедшем «веке крайностей», а именно так назвал прошлый век историк Эрик Хобсбом в своей книге «Век крайностей. Этот короткий двадцатый век 1914—1991», увидевшей свет в 1994 году³. Первые три биографа Дьюи старались описать жизнь ученого, поместив его идеи и политические проекты в релевантный интеллектуальный и социальный контексты. Биография великого мыслителя, представленная Джеймем Мартином, соединила в себе и аспекты многогранной жизни ученого во всех ее проявлениях, и его плодотворную деятельность. В ней использованы многочисленные материалы переписки ученого (около двадцати тысяч писем Дьюи и тысячи других материалов переписки и рукописей).

Дьюи был не только преданным и заботливым мужем для своей жены Элис, но и ответственным отцом шестерых детей. У Дьюи было трое сыновей — Фред, Моррис, Гордон и трое дочерей — Люси, Джейн и Эвелин. Однако в статье мы остановимся на отношении Дьюи с сыновьями. И это не случайно. Тема отца Арчибальда Спрага Дьюи представляет особый

интерес в биографии самого ученого. Случилось так, что Джон Дьюи появился на свет спустя сорок недель после гибели его маленького брата — Джона Арчибальда Дьюи, которому не было суждено дожить и до трех лет. Он случайно упал в котел с раскаленной маслянистой жидкостью и позднее скончался в муках от тяжелейших ожогов на глазах своих родителей. Мать Джона Дьюи — Люсина Артемисия Рич Дьюи и ее супруг страшно переживали случившееся. Родившийся 20 октября 1859 года мальчик получил имя Джон в память об ушедшем брате. Безусловно, для родителей рожденный малыш был своего рода заменой потерянного сына, но Арчибальд не хотел второй раз давать свое имя второму сыну. Всю жизнь родители жили с ощущением, что их преследовала тень того другого погибшего ребенка.

Факт, что Джону пришлось стать заменой брату, явился причиной первого кризиса в его жизни. Ведь всегда очень трудно чувствовать себя заменой. Если тебе еще и не повезет в этой жизни, то ты всегда будешь еще глубже чувствовать, что не смог оправдать ожиданий родителей. Но Джону Дьюи повезло. Он целиком возместил потерю и родителям, и себе самому. Он всегда чувствовал, что должен

¹ Robert B. Westbrook “John Dewey and American Democracy”(1991); Steven C. Rockefeller “John Dewey: Religious Faith and Democratic Humanism (1991); Alan Ryan “John Dewey and the High Tide of American Liberalism” (1995), Jay Martin “The Education of John Dewey” A Biography” (2002),

² Barbara Tuchman, “Biography as a Prism of History in Practicing History (New York: Alfred A. Knopf, 1981), pp. 80–90.

³ Eric Hobsbawm. Age of Extremes. The Short Twentieth Century 1914–1991. Printed in Great Britain, Abacus, 1995 (627 p.).

жить для других, развил в себе удивительный талант быть участливым и глубоко сочувствующим человеком. Его родители всегда обращались с ним так, как будто он был их первым ребенком, и во многих отношениях он сумел впоследствии превзойти даже своего старшего брата Дэйвиса. Порой он даже давал советы Дэйвису, который тоже стал известным экономистом, правда, уже после того, как Джон Дьюи получил известность.

Надо признать, что мать Дьюи Люсина особо заботилась о здоровье Джона и была очень близка с ним. Она постоянно переписывалась с сыном, посылала ему толстые конверты с письмами, рассказывала обо всех новостях даже на полях. То, что перед смертью Арчибальда родители жили в доме Джона Дьюи, а не его братьев Дэйвиса или Чарльза Майнера, говорит о многом. Родители Джона Дьюи были намного ближе и к детям Джона, чем Дэйвиса.

Вторым кризисом в отношениях Дьюи со своим отцом Арчибальдом был неожиданный уход отца на Гражданскую войну. Хотя ему было уже за 50 лет, он неожиданно летом 1861 года продал свой бакалейный бизнес и отправился служить в Первый Вермонтский Кавалерийский полк. Он вступил в ряды Союзной Армии в Северной Верджинии, оставив на попечение беременной супруги двоих сыновей. Многие считали, что одной из причин такого поступка было и то, что Арчибальд все время думал о том, переживет ли его сын Джон тот ро-

ковой возраст, который унес его первенца Джона. Он не хотел оставаться дома в ожидании этого момента. Люсине пришлось вскоре продать дом и поселиться у родственников, так как деньги, оставленные Арчибальдом, скоро закончились, и надо было как то выживать. Поскольку Арчибальд был на военной службе, мать стала очень близка своим сыновьям, особенно Джону. Понимая, как трудно маме, он проявлял большую заботу и о родившемся Чарльзе, хотя и не был старшим братом. Мать очень переживала за отца, писавшего ей с поля боя. К счастью, он не был даже ранен. Рождество 1864 года Люсина с тремя сыновьями встречала вместе со своим мужем. Этот день особенно запомнился Джону. Позднее он писал: «Я, пожалуй, лучше всего помню то Рождество, когда мне было 4 года: мой отец был на фронте, а мама взяла нас и отправилась в расположение его части, чтобы остаться там на зиму. Я очень хорошо помню, как проснувшись, я увидел в конце комнаты их кровать, она казалась так далеко от меня, в целой миле, а потом мне дали какие-то вещи, среди них была маленькая деревянная маслобойка. Позже моя мама рассказывала мне, но это было уже много лет спустя, что они думали, что я буду разочарован тем, что мне смогли дать в качестве рождественского подарка. Ведь тогда очень трудно было что-то достать. И все же я вспоминаю, как рады мы были тем дарам»¹.

Вскоре Люсина с сыновьями вер-

¹ *Jay Martin. The Education of John Dewey / A Biography, New York : Columbia University Press, 2002, p. 13.*

нулась в Берлингтон, где она жила у своих родственников. В начале 1865 года закончилась война, а 14 апреля 1865 года было совершено покушение на президента Абраама Линкольна. Траурные дни надолго запомнились пятилетнему Джону, особенно очень вспоминалось огромное количество домов, задрапированных черным в знак скорби. Удивительно, но отец вернулся в семью лишь через два года после окончания войны. Он оставался на Юге, занимался каким-то бизнесом в Вирджинии и Южном Иллинойсе. Семья вернулась к нормальной жизни лишь в 1867 году. Дьюи вспоминал, что они сразу же переехала в свой собственный дом. Бакалейный бизнес снова начал процветать, хорошо шла и торговля сигарами.

Однако в жизни Джона наступил третий кризис. Дело в том, что родители Джона были очень разные. Они очень отличались и по темпераменту и по отношению к детям, имели разные интересы и разные запросы. Надо признать, что при всем своем отличии каждый по-своему оказывал влияние на становление сына.

Мать Джона Дьюи родилась в 1830 году в Вермонте и выросла на очень богатой ферме, где она многому научилась. В тот период в Америке умение вести фермерское дело было очень редким, так как население резко перемещалось в города, теряя эти навыки. Джон всегда идеализировал способности матери вести фермерское хозяйство. Он даже писал об этом в своей работе «Школа и общество» (1899): «...дисциплина и формирование характера, связанные с процес-

сом тренировки привычек к порядку и трудолюбию, и так называемая идея долга, стремление сделать что-либо, произвести что-то в этом мире культивировались фермерскими семьями в середине девятнадцатого века». Он признавался Джозефу Ратнеру, что в своих работах по педагогической теории и практике он опирался на «Вермонтское окружение», особенно на дух бабушкиной фермы со стороны матери. Он сожалел, что дети 1920-х и 1930-х годов были лишены того, что он сам испытал. Дьюи вспоминал, что именно на ферме он мог видеть старинную лесопилку, свечи и мыло, сделанные в домашних условиях. Своим детям Дьюи часто рассказывал, как иногда появлялся на ферме на несколько дней сапожник, чтобы починить обувь всех желающих. Джону очень нравилось, что на ферме люди были очень близки к природе, знакомились с простейшими орудиями труда. Многие молодые люди могли уже в юности многому научиться, осваивали ремесла. Не случайно Джон Дьюи восхищался Томасом Джефферсоном и выделял его из многих американцев. Дьюи, как и Джефферсону, была присуща идеализация сельской жизни. Не случайно позднее в своей экспериментальной школе он знакомил детей с прядением, ткачеством, столярным делом. Организация Музея труда, активная поддержка этой идеи и в Халл-Хаусе Джейн Аддамс — все это доказательство того, что Дьюи пытался ввести в содержание образования и практико-ориентированные предметы. В своих трудах он также старался передать детям, воспитыва-

вавшимися в городах, дух творческой, продуктивной и независимой жизни фермерской семьи наподобие той, что была у его матери.

Что касается деда Дьюи — отца Люсины, то он не ограничивался лишь фермерской жизнью. Дейвис Рич был членом Вермонтской Генеральной Ассамблеи в течение пяти лет. Дедушка Люсины — Чарльз Рич — служил в Конгрессе Вашингтона несколько периодов. Процветающая и общественно ориентированная, тесно связанная с общинной службой и влиятельная в социальных кругах, семья Рич в трех поколениях кровью и интересами была связана со многими известными гражданами Шохэма и Берлингтона. Кузен Люсины Мэтью Бакхэм был президентом Университета Вермонт, где учился Джон Дьюи. Люсина часто гостила вместе со своими сыновьями в семье Бакхэмов, жила там и во время и после Гражданской войны, а Джон и Дэйвис дружили с двумя сыновьями Бакхэмов. Мать Джона Дьюи Люсина была олицетворением старой Берлингтонской политической и университетской элиты. Она была очень требовательна к себе, отличалась реформистскими взглядами. Но ее главным делом стала забота о душах своих близких. Джон признавался, что благодаря матери он воспитывался в истинно евангелистской манере. Он был серьезным, застенчивым и интроспективным ребенком.

Что касается отца Дьюи, то Арчибальд не очень-то пускался в духовные размышления. Он был целиком увлечен бизнесом и стремился выделиться, достичь успеха.

Подобно тем американцам, портреты которых были блестяще описаны Генри Джеймсом, отец Дьюи не был особенно образован, не имел способности к размышлению, не обладал манерами — но был уверен в себе и пытался тягаться силой там, где это было возможно. Общественный класс, базирующийся на университете Вермонт в Берлингтоне, отражал идеи старой демократии, основанной на просвещении народа. В противовес им новый класс бизнесменов отражал коммерческую демократию, лозунг которой был «купи у одного, а продай другому». Джону очень нравилось то, что отец отличался храбростью и отвагой. С ним считались, он всегда демонстрировал активную позицию, с ним всегда было интересно.

Арчибальд тоже родился на ферме в Фэафексе, штат Вермонт в 1811 году в семье из Новой Англии. Он был одиннадцатым и последним ребенком. Несколько поколений его предков также жили в Новой Англии и внесли свой достойный вклад в американскую жизнь. Его отец Парсон Дьюи сыграл определенную роль в Революционной войне и был похоронен в Беннингтоне. В то время как предки Люсины были англичане, у Арчибальда присутствовала голландская, а также шотландско-ирландская кровь. Его предками были ткачи, которые жили во Фландрии в 16 веке. Их звали «выходцами из лугов» (“was de Wei” — “of the meadows”). Отсюда и фамилия Дьюи. Позднее Джон Дьюи ассоциировал Англию с чистым пуританизмом и предпочитал гордиться своими голландскими кор-

ниями. «Я должен признаться, что я, скорее, голландец, чем англичанин. ...В наших кругах есть два выражения — «трудолюбивый, как Дьюи» и «никто не может напоить Дьюи». Джон всегда хотел походить на отца, который всегда отличался находчивостью и хорошим чувством юмора. Он женился на Люсине в возрасте 44 лет. Хотя он страдал заиканием, он всегда умел продемонстрировать свое чувство юмора, умело вступал в разговоры, блестяще рекламировал товары в своей бакалейной лавке. Вот некоторые из его рекламных объявлений, напечатанных в Берлингтонской газете «Дейли Фри Пресс»: «Тем, кто предпочитает темноту свету, не стоит покупать масло или спермацевые свечи в магазине Дьюи», или «Мои сигары — хорошее извинение за плохую привычку». Он даже уговорил своего друга — поэта Джона Сэкса — написать комическую пародию на лосося, который был в продаже в его магазине. Веселый нрав отца очень нравился его сыновьям.

Его качества бизнесмена также удивляли окружающих. Он вскоре купил себе новый магазин, но, не имея привычки долго засиживаться на одном месте, вдруг продал свой бизнес и включился в борьбу против работорговли.

Контраст между родителями, правда, был типичен для американской жизни того периода, когда мама главным образом заботилась о детях, в то время как отец все время находился в своей конторе или магазине.

Однако образ Люсины нельзя было сравнить с женщинами, описанными Генри Джеймсом и Генри Адамсом, которые отправлялись в Европу в поисках культуры, в то время как их мужья задерживались в промышленных центрах, налаживая бизнес контакты. Разница между Люсиной и Арчибалдом была иная. Люсина была верной сторонницей мужских добродетелей пуританизма. Ей удалось привить своим сыновьям Джону и Дэйвису чувство морального долга и ответственности. У Арчибалда было очень мало времени на сыновей. С Джоном он был всегда очень осторожным. Они уважали друг друга, но особой близости Арчибалд не допускал. Позднее Джон Дьюи, заполняя бланк для включения его биографических материалов в Энциклопедию Национальной Биографии, писал, что его отец был известен своим «остроумием». Арчибалд часто чувствовал неловкость в общении с сыном и часто использовал остроумие, чтобы не допускать особой близости.

Любопытен текст письма, написанного Джону Арчибалдом 21 октября 1885 года, день спустя его 26-летия. Арчибалд писал: «Я вовсе не забыл вчера о твоём воровском вторжении в наш семейный круг, но погода была так прекрасна, что мне не захотелось потянуться за ручкой и уйти в дом... Если материнская писанина не пропадет на почте, то ты получишь небольшое напоминание о том, что мы оба думали о тебе в этот день»¹. Какая метафора могла бы лучше пе-

¹ Jay Martin. The Education of John Dewey/ A Biography, New York : Columbia University Press, 2002, p. 18.

редать смысл того, что Джон всегда был для отца сыном-заменой и что он никогда бы не был Джоном, если бы его первый сын Джон Арчибальд Дьюи был жив. Можно по-разному интерпретировать эти строчки, фактом в биографии Дьюи остается следующее: между отцом и сыном всегда была дистанция, всячески охраняемая Арчибальдом.

Мать Дьюи, Люсина, напротив, была всегда погружена в жизнь своего сына, возможно еще и потому, что во время отсутствия отца она своей любовью и заботой пыталась компенсировать дефицит общения сыновей с Арчибальдом. Возможно, что особое внимание матери к Джону объяснялось и тем, что он рос довольно хрупким и болезненным мальчиком. Джон был очень похож на свою мать и внешне, в отличие от своих братьев. Ее темные глаза были очень выразительны. Это передалось и Джону. Как и мама, он был удивительно усердным и мог часами трудиться. Он рано вставал, не позднее 7 утра. Однажды, проспав до восьми, он признался своим детям, что в тот день он побил свой рекорд позднего просыпания. И все же возвращаясь к проблеме родительского влияния, надо сказать, что именно мать научила Дьюи думать, размышлять, а отец — передал ему умение действовать, как подобает настоящему мужчине — энергично и решительно. После смерти Джона Дьюи его вторая жена Роберта рассказала философу Джорджу Экстеллу, что Джон часто рассказывал ей о своих родителях и жизни в Вермонте и все время настаивал на том, что большее

влияние на него оказал отец. В действительности же, он маскировался, это всегда было его потаенным желанием. Влияние матери на него было слишком сильным, настолько сильным, что ему пришлось научиться противостоять ему. Ему очень хотелось, чтобы любовь отца хотя бы немного завоевала себе пространство, отводав его у матери. Желание отца влиять на сына было невелико, в отличие от желания матери. Однако стараясь походить на дистанцировавшегося от него отца, Джону удалось стать самим собой.

В отношении своих собственных сыновей Джон Дьюи занял совершенно иную позицию. Его первенец Фредерик Арчибальд Дьюи, к которому обычно отец Джон Дьюи обращался не иначе как «дорогой мальчик Фредди», родился 19 июля 1887 года в Фентоне, штате Мичиган в доме Фреда и Эвелин Риггс, где выросла жена Дьюи Элис. «Фредериком» звали дедушку Элис, а «Арчибальдом» — отца Дьюи. Затем в 1889 году родилась дочь Эвелин Риггс, унаследовавшая имя бабушки Элис. В 1892 году появился на свет Морис, названный в честь любимого учителя Дьюи Джорджа Сильвестра Мориса. Дьюи очень любил своего сына Мориса, внимательно наблюдал за его ростом. Имеется немало легенд о любопытном поведении Дьюи-отца, о том, например, как он забывал в задумчивости коляску со спящими детьми у скамейки в парке и вспоминал об этом, лишь придя домой. Однажды Дьюи пришлось остаться с Морисом наедине во время поездки Элис в Европу с другими детьми. Он всегда с удовольствием

соглашался следить за детьми, хотя у него было столько дел на работе и общественных поручений. В тот момент Дьюи должен был закончить семестр в университете. Во всех своих письмах жене он описывал успехи своего сынишки, называл его очень чувствительным мальчиком, подвижным, искренним и способным. Однажды, когда Дьюи заснул в своем кресле, а через некоторое время проснулся, то он застал малыша вылезшим из своей кровати и уже намеревавшимся мыть окна. Дьюи тут же отвлек малыша интересной картинкой в книге, но ужасно испугался от мысли, что могло бы произойти с сынишкой, если бы отец продолжал спать.

По окончании семестра Дьюи и Морис должны были отправиться на пароходе в Европу, чтобы присоединиться к Элис и старшим детям во Франции. Некоторое время семья провела в Париже, где Дьюи был занят лекциями по философии в Сорбонском университете. Затем семья отправилась в Италию. Но поездка оказалась очень печальной. По дороге, проезжая Швейцарию и Фраубург, Морис подхватил дифтерию, и уже в Милане Элис, Морис и его сестра Эвелин оказались в больнице. Вскоре Элис и Эвелин выздоровели, а маленький Морис умер 12 марта 1894 года в возрасте двух с половиной лет. Он был кремирован и похоронен в Милане. От этого удара так и не удалось окончательно оправиться ни Элис, ни самому Дьюи, привязавшемуся к своему малышу за время отсутствия жены. Джону как и его отцу, пришлось пережить потерю сына. Но

его судьба была еще более жестокой. После смерти Мориса Элис родила еще троих детей. Гордон Чипман, названный так в честь отца Элис, родился летом 1896 года. Казалось, его появление должно было смягчить горе семьи после потери маленького Мориса. Он стал любимчиком всех и поражал родителей своими ранними успехами, был очень сдержанный и удивительно разумный ребенок. В декабре 1897 года у него появилась сестричка Люси Элис, которая всегда очаровывала всех своей ангельской улыбкой и желанием танцевать. В июле в семье Дьюи родилась еще одна дочь — Джейн Мэри. Но вскоре супругам пришлось пережить потерю и второго сына Гордона в 1904 году. Это случилось в очередной поездке в Европу, куда Джон и Элис отправились с пятью детьми. В Кембридже Джона Дьюи очень ждали на конференции Научной Ассоциации его коллег-философы. Элис планировала изучить образование женщин в Европе. Она даже планировала представить по возвращению отчет по этой проблеме Уильяму Харрису, а также написать книгу и напечатать ее под редакцией психолога Джеймса Марка Болдвина. Родители были уверены, что поездка принесет много положительного как для старших детей — Эвелин и Фреда, так и для младших. Гордон, развитый не по годам, тоже ждал от поездки сюрпризов и ярких впечатлений. Все считали его очень открытым и восприимчивым ребенком. Но еще в дороге корабельный врач диагностировал у Гордона пищевое отравление. По прибытии в Ливерпуль мальчи-

ка срочно госпитализировали. Джон Дьюи оставался с сыном, в то время как Элис повезла детей в Честер, чтобы изолировать их от больного Гордона. Друзья Дьюи встретили ее и забрали младших детей в Ирландию, так как Элис вернулась в Ливерпуль. Состояние Гордона ухудшалось с каждым днем. У Гордона диагностировали лихорадку. В какой-то момент врач уверил, что ему скоро станет легче, что он преодолел кризис, хотя мальчик сильно терял вес. Отец купил ему книгу «Путешествие Гулливера» и все время читал сыну страницу за страницей. Родители даже начали вместе с сыном сочинять книгу с картинками «Поездка Гордона в Ирландию». Из Ирландии пришло радостное известие, что у других детей не обнаружено симптомов болезни. Через три недели Гордона выписали из госпиталя. Все трое отправились в Ирландию. Мальчик писал своему брату Фреду, что он очень хочет поправиться и надеется поехать с ним в Дублин, а потом отправиться в Италию и поймать большую ящерицу, а также ловить апельсины, когда они будут падать с деревьев. Но вскоре Гордону стало значительно хуже, и через два дня его не стало. Для Элис и Джона этот удар судьбы был слишком сильным. Свет в глазах Элис потух навсегда. Чикагские друзья, узнав о смерти Гордона, были потрясены. Джейн Аддамс устроила поминальную службу в Халл-Хаусе. Более семидесяти коллег и друзей пришли, чтобы разделить горе семьи и послать Джону Дьюи свои соболез-

нования. В ответ Джон Дьюи написал в письме Уильяму Джеймсу: «Гордон, которого мы потеряли, был единственным человеком, я не говорю ребенком, который одновременно мог быть и серьезным и игривым в восприятии жизни. Я никогда не смогу понять, почему его забрали из этого мира»¹.

Джон Дьюи вернулся с разбитым сердцем в Нью-Йорк, так как начинался новый семестр в Колумбийском университете, а Элис осталась с детьми в Европе, чтобы дать им возможность продолжить изучение языков. В 1904 году Элис отправилась с детьми во Францию. Фред был зачислен на осенний семестр в университет Гренобля, чтобы изучать французский, в то время как его мама с другими детьми осталась на побережье. После того, как осенний семестр закончился, он отправился в университет Йены, где изучал латинский и немецкий языки. Фреду прекрасно давался немецкий, хотя в изучении латинского он испытывал затруднения, так как обычно ему приходилось переводить латынь на английский, а не на немецкий, или с немецкого на латынь. Естественно, с такой нагрузкой на зрение было трудно справиться, и вскоре он мог читать лишь небольшое количество времени. Родители очень переживали, что Фред терял зрение. Весть о том, что занятия фехтованием помогли его сыну Фреду снять глазное напряжение очень обрадовала пребывающего в депрессии от потери сыночек отца. Джон Дьюи очень скучал по семье и просил Элис и детей

¹ Jay Martin. The Education of John Dewey/ A Biography, New York :Columbia University Press, 2002, p. 231.

почаще писать ему и информировать его о всех новостях. В Нью-Йорке он очень грустил о Гордоне и ходил в гости только к тем коллегам, у которых были дети. Он совершенно потерял интерес к административным делам в университете, отказался участвовать в выборах президента в качестве кандидата. Его интерес к педагогике также ослабевал с каждым днем, хотя студенты Педагогического колледжа и считали его своим наставником и новатором в образовании. Он опять вернулся в лоно философии.

1904 год принес семье Дьюи неожиданный сюрприз. По окончании весеннего семестра Джон Дьюи решил отправиться к семье в Европу. Элис провела весну в Риме, а затем вся семья Дьюи отправилась в Венецию. Там в Италии все опять напоминало о Морисе. И вот однажды во время завтрака в одной из пиццерий Венеции Джон увидел милостивого итальянского мальчугана, игравшего у окна со своим братом. Он был такого же возраста, как Гордон, настойчивый и полный жизненной энергии. Дьюи заметил, что он хромотал. Было очевидно, что мальчик был из бедной семьи. Но Дьюи был поражен его грациозностью. Неожиданно он пригласил мальчика за стол позавтракать вместе с ними. Мальчик был явно голоден, его звали Сабино Пиро Левис. Он пробыл с семьей Дьюи до самого вечера, а потом его проводили домой. Через несколько дней Элис и Джон Дьюи договорились с матерью Сабино, которого тут же окрестили «Бино», что он отправится с ними в Америку.

Ребенок был такого же возраста,

как и Гордон, он вырос в стране, где остался прах их сына Мориса. Сабино заменил Дьюи двоих сыновей. У Джона Дьюи было снова пятеро детей. Он ни разу в жизни не пожалел о том, что последовал своему импульсивному желанию и взял мальчика в свою семью. Официально он не усыновил Сабино, но стал для него любящим и заботливым отцом. Он пытался искать врачей в Европе, которые помогли бы мальчику вылечить его поврежденное колено. Бельгийский врач предрекал ампутацию, но Дьюи повез сына в США и нашел доктора Мейерса в госпитале Святого Луки. Дьюи каждый день навещал нового сына в больнице, где Сабино проходил длительное лечение. Ему приходилось каждый день менять повязки на больной ноге. Даже после выписки из госпиталя нога постоянно болела. Мальчик почти не мог заснуть. Дьюи каждый вечер забирался к нему в кровать и рассказывал сыну истории до тех пор, пока он не засыпал. Он часто возил сына гулять в инвалидной коляске в парк. Через год мальчик избавился от костылей.

Сабино любили в семье Дьюи и взрослые, и дети. Он был помощником Элис в садовых делах. Юношей он стал прекрасным водителем для своего отца. Когда Дьюи купил автомобиль, он часто ломался, но Сабино мог всегда отремонтировать его. Однажды Джон Дьюи сел за руль автомобиля и наехал на дерево. Машину починил Сабино. Хотя в отличие от детей Дьюи он не был интеллектуалом, он был очень умелым подростком. Сам Сабино отмечал, что его родители сразу поняли,

что он не интеллектуал, но зато, как говорил Джон Дьюи, «у Сабино есть большой опыт выживания». Он был отличным дизайнером и мог прекрасно подобрать ткань и портного для пошива очередного костюма своему всемирно известному отцу. Джон Дьюи был очень тронут стараниями сына. В один из дней они вышли от портного оба в новых костюмах, что растрогало Элис до слез. Она давно не видела своего мужа таким счастливым. Даже когда Сабино уже жил отдельно и имел свою семью, он помогал отцу в выборе костюмов. В своих воспоминаниях об отце Сабино напишет: «Чтобы описать ту отеческую заботу, которую мне пришлось испытать именно от него (Джона), мне потребовалась бы целая книга»¹. Надо отметить, что Сабино прекрасно разбирался в механике. Когда семья Дьюи купила ферму в Хантингтоне, она была в плачевном состоянии и требовала больших усилий. Джон и Сабино сделали систему ирригации, используя газолиновый мотор от водокачки, поставляющей питьевую воду. Для жены Дьюи Элис Сабино разбил садик с различными травами, используемыми как специи и обложил его красным кирпичом, подобно тому, как это было представлено на миниатюре садов Виллы Боргеса. Джон Дьюи много писал о ценности и важности подготовки в области механики, Сабино служил тому хорошим примером. Джон научил Сабино стрелять из подаренного ему приемным отцом ружья. Он стал прекрасным стрелком. В 1916 году Дьюи отпра-

вили Сабино учиться ветеринарному делу в колледж Мак Дональда в университете Мак Грила в Монреале, где он учился два года. Однако необходимые в колледже теоретические курсы Сабино осваивал с трудом, а вот практика давалась легко. Он оставил занятия в колледже и перешел на самостоятельное освоение программы. В 1919 году Сабино отправился с приемными родителями в Японию, затем пребывал в Гонолулу, работая в Гавайском колледже в течение года. Джон Дьюи был убежден, что предпочтением для Сабино будет фермерская работа в сельской местности. После возвращения Дьюи из Японии, Сабино признался, что хотел бы отправиться в Италию, на родину, чтобы повидаться с братьями и сестрами. Его приемная мама Элис тут же откликнулась на его желание, подчеркнув, что она сама давно хотела повидать Европу и готова оплатить расходы Сабино. По дороге в Венецию Элис призналась Сабино, что Дьюи оплачивали курсы музыкального образования одному из братьев Сабино, и он стал маэстро в Венеции. После прибытия в Венецию они выяснили, что брат Сабино будет первой скрипкой на концерте национального оркестра, который должен был вскоре состояться. Сабино отправился на встречу с братом, но, к сожалению, он совсем забыл итальянский язык и изъяснялся с братом на французском языке, который изучал в американской школе. Брат Сабино был очень удивлен. Они позвонили другому брату, который занимался

¹ *Herbert M. Kliebard. John Dewey's Other Son /:Columbia University, Teacher's College Record;83 , New York, 1982. – p. 455.*

дипломатической службой, и тот присоединился к ним. Позднее Сабино отправился в Верону для встречи с сестрой. Как это не иронично звучит, но Сабино пришлось подучиться итальянскому языку в Берлицкой школе Венеции, а затем в Парме. В Парме он встретил еще одного своего брата, который стал профессионалом в резьбе по дереву. Когда Элис и Сабино прибыли в Италию, страна выглядела совсем иной, чем раньше. Повсюду были люди в черных рубашках. Каждый день проходили фашистские демонстрации. Элис и Сабино отправились в Рим, а затем в Сицилию. Элис заволновалась, что в такой сложной политической обстановке паспорт Сабино, в котором было указано, что он родился в Венеции, может вызвать подозрение. Она приняла решение немедленно покинуть Италию. Они сели на поезд в Неаполь и оттуда покинули Европу.

По возвращении в США Сабино отправился работать в Чикаго, где встретил Эдиту Торнтон. Они поженились, а в октябре 1925 года у них родился сын. Сабино признался, что если бы у них родилась дочь, то ее бы назвали Элис в честь супруги Джона Дьюи. Когда у Сабино родилась дочь, он сдержал обещание. Приемная мама Элис мечтала, чтобы Сабино занялся преподавательской деятельностью. В 1927 году она настояла, чтобы Сабино стал учителем. Она верила в его способности. Он получил работу директора в Колумбийской Профессиональной школе в штате Индиана и преподавал там механику.

Но ему было сложно оставаться в одном месте. В конечном итоге, Сабино вернулся к своему предназначению. Он переехал в Хантингтон и стал управляющим фермой (**Old Fields Farm on Greenlawn Road**). Сабино стал членом школьной комиссии и председателем либеральной партии в графстве Саффоки. Его приемный отец дал ему совет быть осторожным, особенно в случае, если американская лейбористская или либеральная партия превратится в коммунистическую. К тому моменту вера Дьюи в коммунизм была подорвана. Надо признать, что Сабино был единственным из детей Дьюи, кто интересовался политикой и участвовал в ней. Примечательно, что дочь Сабино Алиса осталась верной интеллектуальной традиции Дьюи и стала профессором антропологии в Гавайском университете. Как пишет биограф Дьюи Джей Мартин, «в конечном счете, Сабино был настоящим Дьюи»¹.

Джон Дьюи стал очень близким другом и наставником своим сыновьям — и Фреду и Сабино. Он радовался успехам Фреда в учебе и в Мичиганском университете, и в Массачусетском Технологическом институте, где его дядя Дэвис Рич Дьюи преподавал экономику. Он ликовал, когда в 1913 году Фред защитил диссертацию по социологии в Колумбийском университете на тему «Некоторые аспекты поведения в социальных группах». Он часто обсуждал с сыном разные проекты. Когда у Фреда появился первый сын,

¹ *Martin, Jay. "The Education of John Dewey" A Biography* New York: Columbia University Press, 2002. p. 333.

Джон Дьюи не мог дождаться минуты, когда увидит своего внука Гордона Чипмана. Потом появились другие внуки — Элизабет Энн в 1919 году и Джон — еще один Джон Дьюи. К несчастью, Джон погиб в автомобильной катастрофе во время каникул, когда был студентом военной академии в Колорадо Спрингсе в 1935 году. Еще одна страшная потеря была уготована судьбой для семьи Дьюи. Когда жена Фреда Лиз родила в 1936 году девочку Джоанну, дедушка был очень счастлив. В это время Джон Дьюи жил вместе с семьей Фреда. Фред всегда отвечал за организацию рож-

дественских обедов, помогал отцу в финансовых делах. Иногда он вел себя, как старший брат отца. И хотя Фред достиг высот в военной карьере и бизнесе, вместо того, чтобы бороться за исправление общества, он был для своего отца прекрасным сыном, замечательным мужем и хорошим гражданином. Джон Дьюи по праву гордился своими сыновьями и не боялся выражать им свою любовь. Они же до конца его жизни оставались ему самыми близкими людьми и преданными помощниками.

Список литературы

1. Рогачева, Е. Ю. Джон Дьюи: педагогические эксперименты в семье и школе: монография / Е. Ю. Рогачева. — Владимир: Транзит-ИКС, 2015. — 170 с.
2. Hobsbawm, Eric. Age of Extremes. The Short Twentieth Century 1914—1991. Printed in Great Britain, Abacus, 1995. — 627 p.
3. Kliebard, Herbert M. John Dewey's Other Son /: Columbia University, Teacher's College Record; 83, New York, 1982. — 455 p.
4. Martin, Jay "The Education of John Dewey" A Biography", New York: Columbia University Press, 2002) — 503 p.
5. Rockefeller, Steven C. "John Dewey: Religious Faith and Democratic Humanism", 1991.
6. Ryan, Alan "John Dewey and the High Tide of American Liberalism", 1995.
7. Tuchman, Barbara. "Biography as a Prism of History in Practicing History". New York: Alfred A. Knopf, 1981 pp.80—90.
8. Westbrook, Robert B. "John Dewey and American Democracy".1991. — 478 p.
9. Rogacheva, Y. (2016). The Reception of John Dewey's Democratic Concept of School in Different Countries of the World. *Espacio, Tiempo y Educaciyn*, 3(2), 65-87. doi: <http://dx.doi.org/10.14516/ete.2016.003.002.003> (Vol 3, No 2 (2016): John Dewey's Reception and Influence in Europe and America (WEB of Science)
10. Rogatcheva Elena. J. Dewey's Educational Experiment and Its Relevance for Intending Teachers // *Vitae Scholasticae, The Bulletin of Educational Biography*, Edited by Glenn Smith, Northern Illinois University, USA, Volume 11, Nos.1&2, Spring/Fall 1992, pp.313—323.
11. Rogacheva Elena. The Educational Legacy of Pragmatism and Its Influence on Early Soviet Educational Reform// *Educational Reform in National and International Perspectives: Past, Present And Future*. Ed. By Czeslaw Majorek, Erwin V. Johanningmeier, Polish Academy of Sciences Publishing House in Cracow, Cracow 2000, pp.55—70.